

УДК 616-051=411.16«1941/1942»

Евгений Семенович Розенблат

канд. ист. наук, доц., доц. каф. всеобщей истории

Брестского государственного университета имени А. С. Пушкина

Evgeny Rosenblat

*Candidate of Historical Auctions, Associate Professor,
Associate Professor of the Department of General History
of the Brest State A. S. Pushkin University*

e-mail: rozen-j@list.ru

**МЕДИКО-САНИТАРНАЯ СИТУАЦИЯ В ЗАПАДНЫХ ОБЛАСТЯХ БЕЛАРУСИ
НАКАНУНЕ И ПОСЛЕ УНИЧТОЖЕНИЯ ЕВРЕЙСКОГО МЕДПЕРСОНАЛА (1941–1942 гг.)**

На основе опубликованных источников и архивных документов показано участие евреев-медиков в становлении и развитии системы медицинского обслуживания в западных областях Беларуси в 1941–1942 гг. и резкое ухудшение медико-санитарной ситуации в городах и местечках после уничтожения еврейского медперсонала. На конкретных примерах раскрыты негативные последствия для функционирования системы здравоохранения ликвидации евреев-медиков.

Ключевые слова: *оккупационный режим, медико-санитарная ситуация, Западная Беларусь.*

***The Medical and Sanitary Situation in the Western Regions of Belarus
on the Eve and After the Destruction of the Jewish Medical Staff (1941–1942)***

On the basis of published sources and archival documents, the participation of Jewish doctors in the formation and development of the medical care system in the western regions of Belarus in 1941–1942 and the sharp deterioration of the health situation in cities and towns after the destruction of Jewish medical staff is shown. The negative consequences for the functioning of the health care system of the liquidation of Jewish doctors are revealed using specific examples.

Key words: *occupation regime, medical and sanitary situation, Western Belarus.*

Введение

Многие события и факты периода немецко-фашистской оккупации Беларуси не получили освещения в специальных исторических исследованиях. Так, отечественная историография практически не рассматривает вопросов медицинского обслуживания населения оккупированных областей.

Зарубежная историография Холокоста Западной Беларуси достаточно обширна [1]. Сравнительно недавно изучение Катастрофы белорусского еврейства в годы Второй мировой войны началось и в Беларуси, идет процесс накопления и осмысления архивных материалов, а также свидетельств очевидцев [2]. Однако следует отметить, что исследователи истории евреев в годы Второй мировой войны только фрагментарно затрагивают проблему обеспечения медицинскими кадрами создававшуюся оккупантами систему здравоохранения в Беларуси, тем более не раскрывают вопрос о степени и условиях участия еврейских специалистов в медицинском обслуживании местного населения.

Политика немецко-фашистских оккупационных властей на Беларуси в области здравоохранения, безусловно, носила прагматический характер. В советской историографии усиленно пропагандировался тезис о том, что деятельность нацистов в области здравоохранения имела политическую направленность, т. е. одной из задач немецких властей являлось лишение населения оккупированных областей медицинского обслуживания и преднамеренное распространение инфекционных заболеваний в целях сокращения славянского населения, что означало практическое осуществление плана «Ост». Это относилось к тыловым районам немецких полевых армий, но не для территорий, находившихся под гражданским управлением. Для предотвращения опасности появления эпидемий в тылу вермахта и сохранения рабочей силы, рекрутировавшейся из населения оккупированных территорий, в местах дислокации гарнизонов, в промышленных и административных центрах была возобновлена деятельность медико-санитарных служб.

Цель статьи – раскрыть сегрегационную политику немецких оккупационных властей по отношению к медицинским работникам еврейской национальности в западных областях Беларуси, физическое уничтожение которых вызвало дестабилизацию медико-санитарной ситуации в городах и местечках западных областей Беларуси в 1941–1944 г.

Участие евреев-медиков в обслуживании гражданского населения западных областей Беларуси в 1941–1942 гг.

С начала установления оккупационного режима и организации сети медицинских учреждений немецкие власти столкнулись с проблемой острой нехватки специалистов. Дефицит квалифицированных медиков существовал уже в период 1939–1941 г., о чем свидетельствуют факты трудоустройства в 1940 г. в Западной Беларуси беженцев-медиков из Польши. Несмотря на запрет проживания в приграничных областях и депортацию беженцев в глубь России, по ходатайству учреждений многие врачи и фармацевты были оставлены для работы в городах и местечках Западной Беларуси. С началом

Великой Отечественной войны ситуация в сфере здравоохранения обострилась в связи с эвакуацией части медперсонала. Кадровая проблема усугубилась после проведения летом 1941 г. акций по уничтожению еврейского населения. В результате массовых расстрелов погибли многие врачи и другие специалисты. Так, 30 июля 1941 г. по требованию гебитскомиссара Рудольфа Вернера были схвачены и расстреляны 36 врачей-евреев г. Барановичи [3, с. 7]. Есть данные, что в г. Лунинце в августе 1941 г. были расстреляны трое стоматологов-евреев [4, л. 48]. Однако в ряде населенных пунктов оккупационные власти предусмотрительно оставили в живых евреев-врачей. Так, в г. Пинске приказ явиться на принудительные работы (что было поводом для сбора людей перед расстрелом) всем мужчинам в возрасте от 16 до 60 лет не касался врачей, квалифицированных рабочих и ремесленников [5, с. 68].

Накануне и в начале Великой Отечественной войны в западных областях Беларуси значительную часть специалистов-медиков составляли евреи. Например, в октябре 1941 г. ситуация в г. Пинске выглядела следующим образом (таблица 1).

Таблица 1. – Численность еврейского и нееврейского медперсонала с учетом специализации в г. Пинске (октябрь 1941 г.)

Национальность	Специальность					
	Врач	Дантист	Фельдшер	Зубной техник	Акушерка	Всего
Евреи	30	16	3	8	11	68
Неевреи	16	0	1	0	6	23
Итого	46	16	4	8	17	91

Примечание – Составлено по [6, л. 36, 37].

Такое положение продолжало сохраняться и в 1942 г. Так, на начало 1942 г. в ряде районов Барановичского округа и Сло-

нимском округе власти отмечали преобладающее присутствие евреев среди медицинского персонала (таблица 2).

Таблица 2. – Численность еврейского и нееврейского медперсонала в Барановичском и Слонимском округах (начало 1942 г.)

Район	Врачи		Дантисты		Остальной медперсонал		Всего медиков	
	евреи	неевреи	евреи	неевреи	евреи	неевреи	евреи	неевреи
Барановичский	32	19	10	0	20	14	62	33
Ляховичский	6	5	1	0	1	17	8	22
Мирский	3	3	0	0	0	0	3	3
Несвижский	7	6	0	0	0	4	7	10
Клецкий	6	3	3	1	0	7	9	11
Столбцовский	6	9	2	1	0	6	8	16
Новомышский	1	3	0	0	0	0	1	3
Слонимский округ	17	6	3	0	9	11	29	17
Всего	78	54	19	2	30	59	127	115

Примечание – Составлено по [7, л. 54–58].

Таким образом, в некоторых населенных пунктах и районах как на территории генерального округа «Волынь-Подолія», так и в генеральном округе «Белоруссия» евреи составляли более половины медицинских кадров: в г. Пинске – 74,7 %, в Барановичском районе – 65,2 %, в Слонимском округе – 63 %. Следует отметить высокую квалификацию еврейских врачей-«западников». Многие из них получили высшее медицинское образование в престижных учебных заведениях: до 1917 г. в университетах Петербурга, Москвы, Одессы, а в период 1920–1930-х гг. – в университетах Варшавы, Праги, Кракова, Вильно, Львова, Берлина, Флоренции, Лейпцига, Генуи, Болоньи, Парижа.

Делопроизводственная документация того времени показывает высокий процент участия евреев в медицинском обслуживании местного населения. По имеющимся данным, врачи, стоматологи, зубные техники, фельдшеры, медсестры и акушерки еврейской национальности работали в медучреждениях всех зон оккупации: генеральном округе «Волынь-Подолія» (рейхскомиссариат «Украина»), генеральном округе «Белоруссия» (рейхскомиссариат «Остланд»), округе «Белосток» (провинция «Восточная Пруссия»). В большинстве случаев евреи составляли значительную часть квалифицированного медперсонала. Так, в больнице г. Ивенец из 2-х имевшихся врачей один был евреем, в больнице г. Иваново из 3-х врачей двое были евреями, в больнице г. Лунинец из 3-х врачей – 1 еврей; штат амбулатории в д. Лебедево (Молодеченский район Вилейского округа) был полностью укомплектован евреями (4 человека) и т. д. [8, л. 9–12].

Особенно высоким являлся удельный вес специалистов-евреев среди аптечных работников. В целом по генеральному округу «Белоруссия» евреи составляли 37,1 % всех квалифицированных работников, занятых в аптечной сети. В западных областях округа процент был еще выше – 46,6 %. В некоторых районах евреи составляли абсолютное большинство: в Слонимском округе в качестве заведующих, провизоров и ассистентов в аптеках 85,7 % всех работающих (18 из 21 сотрудника); в Новогрудском округе – 58,3 % (21 из 36 сотрудников); в Барановичском округе – 55,5 %

(30 из 54 сотрудников). По остальным округам соотношение еврейского и нееврейского фармацевтического персонала выглядело следующим образом: в Ганцевичском округе – 5 евреев из 11 работников аптек (45,4 %); в Лидском округе – 10 из 24 (41,6 %); в Глубокском округе – 16 из 52 (30,7 %); в Вилейском округе – 11 из 40 человек (27,5 %) [9, л. 1–25]. Были аптеки, в которых фармацевтический персонал полностью состоял из евреев: в городах Молодечно, Ивенец, деревнях Деревная, Дуниловичи, Козяны, в местечках Лахва, Поставы, Опсы, Видзы и др. [10, л. 9].

В русле дискриминационной политики оккупационные власти уже с июля 1941 г. (т. е. до создания гетто) начали организацию медицинских учреждений двух типов: еврейских и арийских (нееврейских). Как правило, специальные медучреждения для приема и лечения евреев создавались в городах и местечках, где еврейское население составляло значительную часть местных жителей. В первые месяцы оккупации национальный состав медперсонала и пациентов как в еврейских, так и в арийских медучреждениях был смешанным [11, л. 1].

По мере установления системы гражданского управления в Западной Беларуси достаточно формальное деление медучреждений на арийские и еврейские принимало более конкретные формы. Осенью 1941 г. в генеральном округе «Волынь-Подолія» контроль за соблюдением деления населения по расовому признаку был ужесточен. Так, в г. Бресте с 1 августа 1941 г. начался перевод евреев-медиков из арийских в еврейские медучреждения, а с 15 сентября 1941 г. еврейская больница г. Бреста была полностью передана на баланс юденрата. В свою очередь, и прием пациентов в арийские и еврейские медучреждения г. Бреста уже в августе 1941 г. осуществлялся с учетом национальности. В Пинске с 16 октября 1941 г. началась первая «чистка» медико-санитарных учреждений: некоторые евреи были уволены из штатов химико-бактериологической лаборатории, санитарной станции, изолятора для психически больных и аптечной базы.

Больницы в административных центрах являлись центральными больницами районов или округов. На протяжении 1941–1942 гг. в Пинске действовали еврейские

больница, поликлиника и аптека, а также больница, поликлиника и две аптеки, обслуживающие нееврейское население города. С осени 1941 г. еврейские медучреждения были укомплектованы только еврейским персоналом.

Главой еврейской больницы г. Пинска (ул. Завальная, 9) был назначен доктор Лейзер Якобсон, в его подчинении находилось 62 человека. Директором еврейской поликлиники (ул. Продольная, 3) являлся доктор Шмуэл Лев, под его началом работало 57 человек [12, л. 1, 3–4]. Руководителем еврейской аптеки (ул. Альбрехтовская, 56) на протяжении 1941–1942 гг. был Филипп Вайнбергер [13, л. 22]. В еврейской больнице г. Бреста работало 64 человека, главным врачом был Исаак Каган [14, л. 28–29]. Кроме того, в г. Бресте действовала еврейская амбулатория, в штат которой входили участковые врачи [15, л. 42–43, 45]. В еврейской аптеке г. Бреста (ул. Тополевая, 25) числилось 6 человек, ее возглавлял Пейсах Альперин [16, л. 70].

Политика оккупационных властей в отношении евреев-медиков была достаточно противоречивой. С одной стороны, они стремились изолировать евреев от местного населения, исключить возможность всякого рода контактов между еврейским и нееврейским населением, чем во многом объясняются проводившиеся «чистки» медучреждений от лиц еврейского происхождения. Однако с другой стороны, потребность в поддержании благополучной эпидемиологической ситуации и уже отмечавшийся дефицит специалистов заставляли администрацию прибегать к использованию евреев-медиков. Районные врачи, начальники районов, волостные старшины, руководители медучреждений посылали запросы в окружные отделы здравоохранения с просьбами прислать врачей, дезинфекторов, стоматологов и др. специалистов. Врачи и медицинские учреждения не справлялись с нагрузкой. Поэтому отдельные врачи еврейского происхождения продолжали работать и в арийских медучреждениях.

Открытие частных кабинетов также являлось одним из путей решения проблемы, допустимым компромиссом, позволявшим врачам-евреям оказывать услуги местному нееврейскому населению. Кроме того, разрешение ведения частной врачебной

практики было частью программы, направленной на повышение эффективности медицинского обслуживания. Документы подтверждают то, что еврейские врачи, имеющие патент на частную практику, обслуживали и пациентов-неевреев. В г. Бресте не менее 11 врачей-евреев официально имели частную практику [17, л. 27].

В округе «Белосток» система была более жесткой, здесь не позднее 30 октября 1941 г. начало действовать распоряжение местных властей о том, что «еврейские врачи должны лечить только евреев». Только в исключительных случаях, когда отсутствовала всякая другая возможность получения медицинской помощи, врачам-евреям позволялось осматривать пациентов-неевреев и принимать их в больницу [18, л. 18].

Организация гетто в городах и местечках Западной Беларуси в той или иной степени отражалась на размещении медицинских кадров и, как правило, сопровождалась очередными увольнениями специалистов-евреев из арийских медучреждений. В г. Бресте, например, в декабре 1941 г. – сразу после создания гетто – из амбулаторий, больницы и аптек было уволено 22 медицинских работника еврейской национальности [19, л. 69]. Однако и после создания гетто в генеральном округе «Волынь-Подоллия» и генеральном округе «Белоруссия» часть медиков-евреев продолжали работать вне гетто. В г. Пинске за пределами гетто частной практикой и работой в арийских медучреждениях занималось 23 человека: 5 врачей, 4 стоматолога, 1 ветеринарный врач, 1 бактериолог, 3 рецептора, 5 ассистента рецептора, 1 помощник заведующего аптечной базой, 3 зубных техника [20, л. 47].

Некоторые врачам было предоставлено право не только работать, но и проживать вне гетто. В первую очередь это касалось врачей, имевших дефицитные специальности (хирургов, дантистов, зубных техников, венерологов, фармацевтов и др.). В мае 1942 г. разрешение жить за пределами Пинского гетто получили 5 врачей, 3 зубных врача и 3 зубных техника [21, л. 53, 58]. В г. Бресте для проживания и частных кабинетов были выделены дома для 6 врачей-евреев, в т. ч. для известного психиатра Бернгарда Кальварийского [22, л. 62]. Отдельные врачи-специалисты еврейского происхождения работали в арийских мед-

учреждениях вплоть до ликвидации гетто: в арийской поликлинике г. Пинска на условиях почасовой оплаты числились зубной врач Невах Борухин, глазной врач Ицхак Левин и зубной техник Гирш Фельштейн. В Бресте в кожно-венерологической больнице остался работать ординатор Семен Манзон, в доме престарелых – врач Мойша Зильберштейн, в городской больнице – ординатор Зельман Зеликсон, в одной из аптек – Пейсах Альперин, в железнодорожной больнице – хирург Маркус Гоммер, дезинфектор Жигмунд Вайнштейн и фармацевт Риша Савчицкая; в амбулатории г. Лунина – врач Леокадия Эдельман и зубной врач Шейна Сингаловская; в амбулатории м. Микашевичи – доктор Исаак Гитлер; в амбулатории м. Лахва – доктор Соломон Игельник и зубной врач Мария Шнапер, в аптеке м. Лахва – рецептар Шая Каплан [23, л. 3, 8].

Однако в период с момента организации гетто и до осуществления на местах «окончательного решения еврейского вопроса» проводились очередные «чистки» медучреждений. В целях предотвращения малейшей возможности попадания к евреям медикаментов летом 1942 г. прошла волна увольнений из арийских аптек Пинского округа лиц еврейского происхождения. С 1 августа из аптек г. Пинска были уволены 6 евреев; из аптеки м. Лахва – 1, из аптеки г. Лунина – 1, из аптеки м. Мотоль – 1 [24, л. 57–58, 62–63, 67, 72]. Вероятно, оккупационные власти опасались (и небезосновательно) утечки медикаментов в гетто, а также передачи лекарственных препаратов партизанам и подпольщикам.

Подобная ситуация сложилась и в генеральном округе «Белоруссия», что можно проследить на примере г. Барановичи. В декабре 1941 г., когда в городе проводилась организация гетто закрытого типа (установление постоянной охраны, обнесение еврейских кварталов проволокой, создание пропускной системы), окружной комиссар издал распоряжение о разрешении жить вне гетто вместе с семьями 23 врачам, провизорам и лаборанткам, а также переводчику отдела здравоохранения [25, л. 40]. Еврейские медики продолжили работу в больницах и амбулаториях, где проводили прием гражданского населения. Некоторые врачи получили разрешение вести частную практику

при условии размещения их кабинетов вблизи гетто. В начале февраля 1942 г. оккупационные власти выразили обеспокоенность по поводу допущения евреев к лечению жителей-«арийцев» и констатировали, что в Барановичском округе на медобслуживании местного населения занято 25 врачей и аптекарей евреев, которые не могут быть заменены белорусами и поляками [25, л. 85].

В начале 1942 г. появились распоряжения, требовавшие полного отстранения еврейского медперсонала от обслуживания нееврейского населения. 13 февраля 1942 г. окружной комиссар г. Барановичи направил генеральному комиссару округа «Белоруссия» запрос о разрешении привлечь безработных врачей и аптекарей белорусов, проживающих на территории генерального округа «Литва», что помогло бы решить проблеме нехватки медицинских кадров и вопрос об исключении специалистов-евреев из сферы здравоохранения. Была поставлена задача замены на протяжении марта 1942 г. еврейских врачей, фармацевтов, медицинского вспомогательного персонала Барановичского округа белорусами [25, л. 83]. В ходе реорганизации медучреждений г. Барановичи и закрытия одной из поликлиник в марте 1942 г. были произведены значительные сокращения еврейского медперсонала: 17 специалистов-евреев лишились права практиковать вне гетто. В арийских медучреждениях города были оставлены 9 евреев: отоларинголог, рентгенолог, дерматолог, педиатр, хирург, уролог, 2 стоматолога и зубной техник. Большинство медиков совмещали работу в больнице и поликлинике. Часть врачей была оставлена временно, только до приезда ожидаемых врачей из округа «Литва», другие – в качестве помощников при пожилых врачах и медиках-«арийцах», не имеющих соответствующих знаний и опыта. Одновременно производились «чистки» в районах округа. В Городищенском районе под сокращение попали 3 медика-еврея, в Новомышском – 2, в Клецком – 2, в Ляховичском – 1, в Несвижском – 3, в Столбцовском – 4 [25, л. 25–28]. В спешном порядке в районные и окружные центры генерального округа «Белоруссия» направлялись врачи и медсестры «арийского» происхождения (в Столбцы, Слоним, Барановичи, Мир, Несвиж и др.).

Часть специалистов-медиков прибыла из Вильно и других населенных пунктов генерального округа «Литва» [26, л. 60–61, 63–64, 75, 82, 90].

В генеральном округе «Волинь-Подолія» оккупационные власти не располагали резервами медицинских кадров соответствующих специальностей и квалификации. Поэтому в некоторых случаях предлагался компромисс: еврейские врачи заменялись штатными врачами-арийцами с условием сохранения за специалистами-евреями 1–2 часов нагрузки в день [27, л. 77]. О нехватке квалифицированных медицинских кадров свидетельствуют приказы о назначении врачей-евреев в медпункты сельской местности Пинского округа: весной – летом 1942 г. доктор Борис Йоселевич был направлен в д. Одрижин, д-р Арнольд Нисензон – в д. Ласицк, д-р Моисей Шарф – в д. Парахонск [28, л. 43–44]. Врачи выезжали в деревни в сопровождении евреев-дезинфекторов, вместе с ними следовали семьи. Подобные назначения были связаны с эпидемическими вспышками в сельской местности.

Организация гетто в городах и местечках Западной Беларуси резко ухудшила санитарно-эпидемиологическую ситуацию в регионе. В Гродненском округе и генеральном комиссариате «Белоруссия» переселение евреев в гетто было начато уже летом – осенью 1941 г. В генеральном округе «Волинь-Подолія» гетто были учреждены позднее: в г. Бресте – в декабре 1941 г., а в г. Пинске – в мае 1942 г.

Создание гетто на территории Западной Беларуси не означало лишения еврейского населения возможностей получения квалифицированной медицинской помощи, хотя со временем происходило определенное ограничение медобслуживания евреев. Так, с 24 февраля 1942 г. по распоряжению окружного комиссара Глубокского округа строго запрещался прием и лечение евреев в амбулаториях, больницах и медицинских пунктах округа [29, л. 8].

По данным на август 1942 г., в гетто I г. Гродно, где находилось около 15 тысяч человек [30, с. 88], проживало не менее 28 врачей, 11 стоматологов, 6 зубных техников, рентгенолог. В гетто II, где содержалось около 10 000 человек, было заключено не менее 15 врачей, 5 стоматологов, 7 зуб-

ных техников [31, л. 30, 58]. Вероятно, подобное соотношение специалистов-медиков и населения оккупационные власти считали вполне удовлетворительным. Когда в феврале 1942 г. председатель юденрата г. Гродно Д. Бравер обратился к поветовому комиссару за разрешением на переезд в город случайно оказавшегося в г. Лиде широко известного в Польше хирурга, доктора медицинских наук Орко Соловейчика с семьей, мотивируя просьбу отсутствием в городе специалиста такого высокого класса, он получил отказ от властей с письменной резолюцией: «врачей-евреев в Гродно предоставлено» [32, л. 4]. По данным на 10 сентября 1941 г., в гетто г. Воложина работали 2 врача, стоматолог, 4 акушерки и санитар, в гетто м. Постава – врач и медсестра [33, л. 21–22]. В случае необходимости в гетто, где не хватало местных специалистов, командировались врачи-евреи. Так, из г. Пинска весной 1942 г. в гетто г. Лунина был направлен доктор Адам Бендер [34, л. 53, 71].

В целях снижения вероятности возникновения эпидемий в гетто Западной Беларуси повсеместно переводились еврейские медучреждения и службы. Так, известно, что в гетто I г. Гродно работали санитарная служба и аптека, а в гетто II действовали больница, амбулатория и санитарная служба [31, л. 30, 58]. Однако во время переезда в гетто еврейские медучреждения и врачи частично лишились своего имущества. В ноябре 1942 г. медицинские инструменты, оборудование и медикаменты, оставленные в помещениях вне гетто, были переданы в распоряжение Гродненского окружного врача для обеспечения потребностей нееврейского населения в медицинской помощи. Постепенно даже ту медицинскую аппаратуру и медикаменты, которые евреям удалось перевезти в гетто, изымали. Так, 3 июня 1942 г. поветовый комиссар г. Гродно издал распоряжение о конфискации лекарств в гетто и срочной перевозке рентгенаппарата из еврейской больницы в арийскую больницу [31, л. 30, 58].

В г. Пинске в гетто продолжили работу, изменив адреса, больница (на ул. Зеленой), поликлиника (на ул. Светлой) и аптека (на ул. Вишневецкого) [20, л. 47]. В гетто г. Бреста действовала больница на 75 коек, работала аптека [35, л. 3, 6]. Представляет интерес тот факт, что евреи г. Бреста имели

возможность по особым разрешениям посещать врачей, которые вели прием пациентов вне гетто, а также проходить курс лечения и процедуры в арийских медучреждениях (в еврейской больнице не было рентгенаппарата, кварца и другого специального медицинского оборудования) [36, л. 246, 294, 368, 495].

После организации гетто еврейские кварталы превратились в зону повышенной эпидемиологической опасности. В среднем на одного человека в гетто приходилось от 1 до 1,5 м² жилплощади, в домах в несколько этажей устанавливались нары, люди размещались в коридорах, погребках, кухнях и сараях.

Комплекс мероприятий, разработанный в целях предотвращения возникновения и распространения инфекционных заболеваний во всех зонах оккупации, включал в себя обязательное извещение властей обо всех случаях диагноза или подозрения на инфекционное заболевание, госпитализацию или изоляцию больного, проведение дезинфекции, дезинсекции и вакцинации. В случаях вспышки инфекционных заболеваний в эпидемический очаг направлялась специальная бригада. В зараженной сельской местности при въезде в деревню устанавливались щиты, указывающие на опасность. Так, после получения в г. Гродно сообщения о зарегистрированных в сентябре 1942 г. трех случаях тифа среди евреев м. Сопоткин, было отдано распоряжение о закрытии гетто на карантин и установлении соответствующих указателей [37, л. 141]. Эпидемии тифа были отмечены также в гетто г. Слонима, Новогрудка и м. Пружаны [38, р. 101; 39, р. 45. 52; 40, р. 40]. В начале января 1943 г. в гетто г. Гродно вспыхнула эпидемия брюшного тифа: с 3 по 9 января было зарегистрировано 52 случая заболевания среди еврейского населения, с 10 января по 21 февраля – еще 32 случая [41, л. 82, 84, 85, 87, 88, 104, 106]. Неуклонно увеличивались показатели смертности среди еврейского населения.

Свою роль в этом играло систематическое недоедание, напряженный изнурительный труд, перенаселение, недостаток качественной питьевой воды, холод, неудовлетворительные ассенизационные условия. Все это поддерживало на высоком уровне заболеваемость и смертность среди узников гетто, способствовало распространению инфекционных заболеваний, заканчивающихся летальным исходом. Единственное, что могли сделать в тех условиях врачи, – изолировать больных. Медикаментов не было. Пронести лекарства в гетто было запрещено. Несмотря на объективные трудности (нехватку медикаментов, оборудования, отсутствие условий для работы), еврейские врачи делали все возможное для предотвращения массовых вспышек эпидемических заболеваний.

Заключение

Уничтожение еврейских врачей и медперсонала вызвало временную дестабилизацию медико-санитарной ситуации в городах и местечках Западной Беларуси и поставило перед оккупационными властями проблему дефицита медицинских кадров. Так, Пинский окружной врач сообщал в своем отчете, что «эвакуация» еврейского медперсонала повлекла за собой изменения в организации системы здравоохранения в округе: 7 врачебных пунктов остались без врачей (Микашевичи, Лахва, Парахонск, Хойно, Ласицк, Бродница, Мотоль). Аптека в Мотоле, оставшись без персонала, была перенесена в Иваново, в аптеку Лунинца в связи с потерей фармацевтического персонала были переведены работники закрывающейся аптеки д. Микашевичи [42, л. 28].

Частично недостаток в специалистах-медиках был восполнен еще во время оккупации, главным образом за счет использования прибывавших беженцев из восточных областей. Однако в целом ликвидация евреев-медиков имела крайне негативные последствия для функционирования системы здравоохранения в оккупированных областях Западной Беларуси.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Романовский, Д. Холокост на территории Беларуси в западной историографии / Д. Романовский // Евреи Беларуси. История и культура : сб. ст. / Израил. культ.-информ. центр ; От-

крытый Ун-т Ізраіля в Беларусі ; ред. совет: И. Герасимова (отв. ред.) [и др.]. – Минск : Арти-Фекс, 1998. – Вып. II. – С. 81–99.

2. Иоффе, Э. Катастрофа белорусского еврейства в отечественной историографии / Э. Иоффе // Евреи Беларуси. История и культура : сб. ст. / Израил. культ.-информ. центр ; Открытый Ун-т Израіля в Беларусі ; ред. совет: И. Герасимова (отв. ред.) [и др.]. – Минск : Арти-Фекс, 1998. – Вып. II. – С. 99–107.

3. Шерман, Б. П. Барановичское гетто. Колдычевский лагерь смерти / Б. П. Шерман. – Барановичи : Баранович. укрупн. тип., 1997. – 100 с.

4. Государственный архив Брестской области (ГАБр). – Ф. 2120. Оп. 1. Д. 258.

5. Розенблат, Е. Пинские евреи. 1939–1944 гг. / Е. Розенблат, И. Еленская. – Брест, 1997. – 312 с.

6. ГАБр. – Ф. 2120. Оп. 1. Д. 240.

7. Национальный архив Республики Беларусь (НАРБ). – Ф. 370. Оп. 1. Д. 118.

8. НАРБ. – Ф. 370. Оп. 1. Д. 157.

9. НАРБ. – Ф. 370. Оп. 1. Д. 158.

10. НАРБ. – Ф. 370. Оп. 1. Д. 133.

11. ГАБр. – Ф. 201. Оп. 1. Д. 392.

12. ГАБр. – Ф. 2135. Оп. 1. Д. 469.

13. ГАБр. – Ф. 2135. Оп. 1. Д. 1003.

14. ГАБр. – Ф. 2135. Оп. 1. Д. 619.

15. ГАБр. – Ф. 201. Оп. 1. Д. 2441.

16. ГАБр. – Ф. 201. Оп. 1. Д. 697.

17. ГАБр. – Ф. 201. Оп. 1. Д. 6195.

18. Государственный архив Гродненской области (ГАГО). – Ф. 1. Оп. 1. Д. 15.

19. ГАБр. – Ф. 201. Оп. 1. Д. 327.

20. ГАБр. – Ф. 2135. Оп. 2. Д. 1448.

21. ГАБр. – Ф. 2120. Оп. 1. Д. 261.

22. ГАБр. – Ф. 201. Оп. 1. Д. 397.

23. ГАБр. – Ф. 2181. Оп. 1. Д. 1.

24. ГАБр. – Ф. 2120. Оп. 1. Д. 258.

25. НАРБ. – Ф. 370. Оп. 1. Д. 118.

26. НАРБ. – Ф. 370. Оп. 1. Д. 138.

27. ГАБр. – Ф. 2120. Оп. 1. Д. 258.

28. ГАБр. – Ф. 2135. Оп. 2. Д. 136.

29. ГАВО. – Ф. 2848. Оп. 1. Д. 263.

30. Гродна ў гады Вялікай Айчыннай вайны. 1941-1945. Да 50-годзя Вялікай Перамогі / І. П. Крэнь [і інш.]. – Гродна : б. в., 1995. – 205 с.

31. ГАГО. – Ф. 1. Оп. 1. Д. 150.

32. ГАГО. – Ф. 1. Оп. 1. Д. 54.

33. НАРБ. – Ф. 370. Оп. 1. Д. 157.

34. ГАБр. – Ф. 2120. Оп. 1. Д. 258.

35. ГАБр. – Ф. 201. Оп. 1. Д. 6173.

36. ГАБр. – Ф. 201. Оп. 1. Д. 326.

37. ГАГО. – Ф. 1. Оп. 1. Д. 213.

38. Alpert, N. The Destruction of Slonim Jewry. The Story of the Jews of Slonim During the Holocaust / N. Alpert. – New York : Holocaust Library, 1989. – 379 p.

39. Kagan, J. Surviving the Holocaust with the Russian Jewish partisans / J. Kagan, D. Cohen. – London : Vallentine Mitchell, 1998. – 275 p.

40. Harshalom, A. Alive from the Ashes / A. Harshalom. – Milo Publishing House Ltd., 1990. – 207 p.

41. ГАГО. – Ф. 1. Оп. 1. Д. 213.

42. ГАБр. – Ф. 2120. Оп. 1. Д. 239.

REFERENCES

1. Romanovskij, D. Kholokost na tsierritorii Bielarusi v zapadnoj istoriografii / D. Romanovskij // Jevriei v Bielarusi. Istorija i kul'tura : sb. st. / Izrail. kul't.-inform. centr ; Otkrytyj Un-t Izrailia v Bielarusi ; ried. soviet: I. Gierasimova (otv. ried.) [i dr.]. – Minsk : Arti-Feks, 1998. – Vyp. II. – S. 81–99.
2. Ioffe, Ye. Katastrofa bieloruskogo jevriejstva v otiechiestviennoj istoriografii / Ye. Ioffe // Jvriei Bielarusi. Istorija i kul'tura : sb. st. / Izrail. kul't.-inform. centr ; Otkrytyj Un-t Izrailia v Bielarusi ; ried. soviet: I. Gierasimova (otv. ried.) [i dr.]. – Minsk : Arti-Feks, 1998. – Vyp. II. – S. 99–107.
3. Sherman, B. P. Baranovichskoje gietto. Koldychievskij lagier' smierti / B. P. Sherman. – Baranovichi : Baranovich. ukрупn. tip., 1997. – 100 s.
4. Gosudarstviennyj arkhiv Briestskoj oblasti (GABr). – F. 2120. Op. 1. D. 258.
5. Rozienblat, Ye. Pinskie jevriei. 1939–1944 gg. / Ye. Rozienblat, I. Yelienskaja. – Briest, 1997. – 312 s.
6. GABr. – F. 2120. Op. 1. D. 240.
7. Nacional'nyj arkhiv Rjespubliki Bielarus' (NARB). – F. 370. Op. 1. D. 118.
8. NARB. – F. 370. Op. 1. D. 157.
9. NARB. – F. 370. Op. 1. D. 158.
10. NARB. – F. 370. Op. 1. D. 133.
11. GABr. – F. 201. Op. 1. D. 392.
12. GABr. – F. 2135. Op. 1. D. 469.
13. GABr. – F. 2135. Op. 1. D. 1003.
14. GABr. – F. 2135. Op. 1. D. 619.
15. GABr. – F. 201. Op. 1. D. 2441.
16. GABr. – F. 201. Op. 1. D. 697.
17. GABr. – F. 201. Op. 1. D. 6195.
18. Gosudarstviennyj arkhiv Grodnienskoj oblasti (GAGO). – F. 1. Op. 1. D. 15.
19. GABr. – F. 201. Op. 1. D. 327.
20. GABr. – F. 2135. Op. 2. D. 1448.
21. GABr. – F. 2120. Op. 1. D. 261.
22. GABr. – F. 201. Op. 1. D. 397.
23. GABr. – F. 2181. Op. 1. D. 1.
24. GABr. – F. 2120. Op. 1. D. 258.
25. NARB. – F. 370. Op. 1. D. 118.
26. NARB. – F. 370. Op. 1. D. 138.
27. GABr. – F. 2120. Op. 1. D. 258.
28. GABr. – F. 2135. Op. 2. D. 136.
29. GAVO. – F. 2848. Op. 1. D. 263.
30. Hrodna u hady Vialikaj Ajchynnaj vajny. 1941–1945. Da 50-hoddzia Vialikaj Pieramohi / I. P. Kren' [i insh.]. – Hrodna : b. v., 1995. – 205 s.
31. GAGO. – F. 1. Op. 1. D. 150.
32. GAGO. – F. 1. Op. 1. D. 54.
33. NARB. – F. 370. Op. 1. D. 157.
34. GABr. – F. 2120. Op. 1. D. 258.
35. GABr. – F. 201. Op. 1. D. 6173.
36. GABr. – F. 201. Op. 1. D. 326.
37. GAGO. – F. 1. Op. 1. D. 213.
38. Alpert, N. The Destruction of Slonim Jewry. The Story of the Jews of Slonim During the Holocaust / N. Alpert. – New York : Holocaust Library, 1989. – 379 p.
39. Kagan, J. Surviving the Holocaust with the Russian Jewish partisans / J. Kagan, D. Cohen. – London : Vallentine Mitchell, 1998. – 275 p.
40. Harshalom, A. Alive from the Ashes / A. Harshalom. – Milo Publishing House Ltd., 1990. – 207 p.
41. GAGO. – F. 1. Op. 1. D. 213.
42. GABr. – F. 2120. Op. 1. D. 239.